

Культурно-хронологические горизонты городища Бураково: взгляд сквозь призму времени

Бубенько Т.С.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Несмотря на то, что городище Бураково открыто 90 лет назад и на нем в 60-е годы XX века проводились значительные по объему археологические исследования, памятник совершенно выпал из научного оборота, а его культурно-хронологическая привязка сегодня требует корректировки.

Цель статьи – синхронизировать культурно-хронологические горизонты городища Бураково, основываясь на современном понимании культурной ситуации в Витебском Подвинье в раннем железном веке с учетом хронологических правок времени бытования отдельных вещей из коллекций 1964–1966 гг.

Материал и методы. В основу статьи положены результаты работы предшественников и авторские наблюдения и на городище Новый Болецк – Бураково Городокского района Витебской области. При написании текста использовались методы, применяемые в исторических и археологических исследованиях, радиоуглеродный метод датировки.

Результаты и их обсуждение. Изучение культурного слоя на поселении, его состава и структуры позволило выделить как минимум три культурно-хронологических горизонта существования поселения в раннем железном веке. Планиграфия артефактов внутри каждого горизонта и анализ узкодатированных вещей дали возможность определить хронологические рамки отложения стратиграфических пластов и установить время предполагаемого заселения площадки городища.

Заключение. Городище Новый Болецк – Бураково возникло не позднее второй четверти – середины I тыс. до н.э. Древнейшие напластования фиксируются по краю верхней площадки городища и локально в западинах на нижней площадке. После гибели раннего поселка в IV–III вв. до н.э. на верхней площадке городища размещаются металлообрабатывающие комплексы. Недостаточная источниковая база не позволяет установить временные рамки существования поселка металлургов. Не позднее первых веков до н.э. – рубежа эр кузнечная обработка железа переносится на террасу в северной части городища. Последнему периоду жизни поселения соответствует верхний стратиграфический слой, который, судя по вещам, имеющим довольно четкие рамки бытования, образовался в промежутке между рубежом эр и IV в. до н.э.

Ключевые слова: днепро-двинская культура, городище, культурный слой, стратиграфический горизонт, хронологические индикаторы, штрихованная керамика, текстильная керамика.

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 18–28)

Cultural and Chronological Layers of Burakovo Settlement: an Insight through the Prism of Time

Bubenko T.S.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

In spite of the fact that Burakovo settlement was discovered 90 years ago and that in the 1960-s considerable archeological research was conducted here the monument remained outside scientific circulation and its cultural and chronological identification needs correcting.

The research purpose is to synchronize the cultural and chronological identification of Burakovo settlement on the basis of the contemporary understanding of the cultural situation in Vitebsk Dvina River area in the early Iron Age considering chronological corrections of the time to which some objects from the 1964–1966 collections belonged.

Material and methods. The basis of the article is the predecessors' findings as well as the author's observations on the settlement of Novy Boletsk – Burakovo of Vitebsk Region Gorodok District. Methods used in historical and archeological research were applied as well as the radiocarbon method of dating.

Findings and their discussion. The study of the cultural layer of the settlement, its composition and structure made it possible to single out at least three cultural and chronological horizons of the settlement existence in the early Iron Age. The planigraphy of the artefacts inside each horizon and an analysis of narrow dated objects made it possible to identify chronological boundaries of the deposition of stratigraphic layers and to identify the time of the estimated settlement of the site.

Conclusion. *Novy Boletsk – Burakovo settlement emerged not later than the second quarter – mid 1st millennium B.C. The most ancient layers are identified along the edge of the upper site of the settlement and locally in cavities on the lower site. After the early settlement died out in the 4th–3rd centuries B.C. metal processing complexes were located on the upper site of the settlement. The insufficient source base does not make it possible to identify the time boundaries of the existence of the metal workers' settlement. Not later than the first centuries B.C. – the turn of the eras blacksmith processing of iron was moved to the terrace in the northern part of the settlement. The upper stratigraphic layer which, according to the clearly identified objects corresponds to the last period of the life of the settlement, was shaped between the turn of the eras and the 4th century B.C.*

Key words: *the Dnieper and Dvina culture, settlement, cultural layer, stratigraphic horizon, chronological indicators, striped ceramics, textile ceramics.*

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 18–28)

Несмотря на то, что городище Бураково открыто 90 лет назад и на нем в 60-е годы XX века проводились значительные археологические исследования, памятник совершенно выпал из научного оборота, а его культурно-хронологическая привязка сегодня требует корректировки.

Цель статьи – синхронизировать культурно-хронологические горизонты городища Бураково на основе современного понимания культурной ситуации в Витебском Подвинье в раннем железном веке с учетом хронологических правок времени бытования отдельных вещей из коллекций 1964–1966.

Материал и методы. В основу статьи положены результаты работы предшественников и авторские наблюдения и на городище Новый Болецк – Бураково Городокского района Витебской области. При написании текста использовались методы, применяемые в исторических и археологических исследованиях, радиоуглеродный метод датировки.

Результаты и их обсуждение. Городище у бывшей деревни Бураково расположено в 2,5 км западнее дер. Новый Болецк Городокского района, к которой оно в настоящее время привязано, справа от автомагистрали на Езерище – граница России. Поселение занимает северную часть одиночно стоящего холма, высота которого не менее 16 м. Севернее городища расположено заросшее озеро, через которое протекает небольшая речушка, омывающая холм с восточной стороны. Объект имеет форму овала, вытянутого с севера-запада на юго-восток, склоны довольно крутые, более пологий спуск зафиксирован лишь севера-северо-запада. Площадка поселения расположена в двух уровнях, перепад высот между ними составляет 1,2–1,6 м. Размеры основной площадки 45 x 33 м, ширина расположенной с северной стороны террасы 26 x 33 м. По краю террасы имеется короткая валообразная насыпь высотой до 50–60 см, вторая чуть ниже по склону. Склоны холма поросли лиственными деревьями и орешником, площадка – крупным сосновым лесом.

Сегодня площадка городища представляет собой печальное зрелище. Северный относительно пологий склон городища поврежден траншеями и котлованом от блиндажа военного времени. Рядом с ними расположены незасыпанные раскопы К.П. Шута и траншея В.И. Шадыро. В центре первоначальной площадки городища – незасыпанный раскоп 1968 г. К.П. Шута

площадью 140 м², в 13 м южнее которого имеется траншея шириной 4 м, прорезавшая городище по линии восток-запад. Информацию об авторе данной прорезки, к сожалению, найти не удалось.

Городище Бураково впервые было обследовано А.Н. Лявданским в 1933 г. Из разрозненных данных, сохранившихся в фондах Института истории НАН, известно, что на городище была заложена траншея. Однако ее место и размеры выяснить, к сожалению, невозможно. Собранные А.Н. Лявданским материалы не были опубликованы, но позволили исследователю отнести городище Бураково, наряду с Загорцами и Девичками, к древнейшим поселениям Подвинья [1, с. 221].

С 1964 года планомерное изучение городища Бураково проводилось К.П. Шутом. В 1964–1966 гг. на нижней площадке – небольшой террасе в ее северной части – им было заложено три раскопа общей площадью 140 м² (рис. 1).

В 1968 году исследователь заложил раскоп площадью 140 м² на основной площадке поселения. Результаты исследований на площадке, к сожалению, ученый не успел изложить в итоговом отчете, коллекция также исчезла бесследно. Лишь предварительную информацию о раскопках последнего сезона К.П. Шута успел опубликовать в «Археологических открытиях 1968 года» (АО). Кроме площадки, были изучены оборонительные сооружения, расположенные на более пологих склонах (северо-западный и юго-восточный). Оборонительная система представляет собой два земляных вала и рвы. Основные работы по возведению укреплений, по мнению К.П. Шута, были произведены в начальный период существования поселения [2, с. 343].

В 1991 г. раскопки памятника были продолжены В.И. Шадыро, который траншеей прорезал нижнюю площадку поселения по линии запад–восток (траншея 120 м²) с целью продолжить изучение древнего рва, частично вскрытого К.П. Шутом (1966 г.) [3, с. 8].

В 2023 г. авторами статьи были зачищены стенки незасыпанного раскопа 1968 г. и взяты образцы золы для радиоуглеродного анализа. При зачистке южной стены в верхнем слое собраны фрагменты горшка, который удалось реконструировать. С верхним слоем связаны находки кусочков железных браслетов, шлаков (западная стенка) и железного псаля (восточная стенка).

В 2024 г. в 2,5 м от юго-западного угла Т.С. Бубенько был заложен разведочный шурф площадью 16 м²,

однако следов застройки западного края площадки на данном участке зафиксировать не удалось.

И все же обобщение и анализ результатов исследований предшественников и проведенные автором небольшие разведочные работы на памятнике позволяют в общих чертах реконструировать основные этапы жизнедеятельности поселения. Синхронизация напластований, исследованных на верхней площадке и террасе (нижняя площадка), затруднена из-за недостаточной источниковой базы, поэтому в статье стратиграфия верхней и нижней площадок дана порознь.

Верхняя площадка городища. Стратиграфию культурного слоя на основной площадке удалось восстановить благодаря зачистке стенок незасыпанного раскопа 1968 г. и разведочному шурфу, заложенному нами западнее раскопа. На верхней площадке городища зафиксировано два стратиграфических слоя, границей между которыми является мощный зольно-угольный слой (до 10–15 см). Образец, взятый нами для радиоуглеродного анализа из сгоревшего бревна в северо-восточном углу раскопа 1968 г., дал календарную дату 2240 ± 50 , что соответствует калибровочной дате 396–176 лет до н.э. (рис. 2).

Данная дата является временем гибели древнейшего стратиграфического слоя. По своему составу стратиграфический слой – 1 – супесь светло-серого цвета, в которой ближе к матерiku встречаются включения мелкого гравия. Данный слой зафиксирован в небольших западинах, которые видны в профилях раскопа 1968 г. и по краю верхней площадки. Мощность его колеблется от 10–15 см, увеличиваясь к краю площадки до 25–30 см.

В разведочном шурфе 2024 г. при зачистке предматерикового слоя найден железный черешковый наконечник стрелы, который по аналогии с ранними наконечниками лесостепных культур может быть датирован IV–III вв. до н.э. (рис. 3:1). На городищах днепродвинской культуры (Новые Батеки, Самсонцы, Демидовка) подобные наконечники характерны для нижних слоев (IV–III вв. до н.э.) [4, с. 126, рис. 20:6, 22:15].

Из зольного слоя происходит фрагмент железного браслета с сужающимся концом. Ширина дуги – 0,03–0,04 см, сечение плоско-выпуклое (рис. 3:2). С внешней стороны видна слабая имитация перекручивания. Железные браслеты с сужающимися концами и плоско-выпуклым сечением дуги известны среди

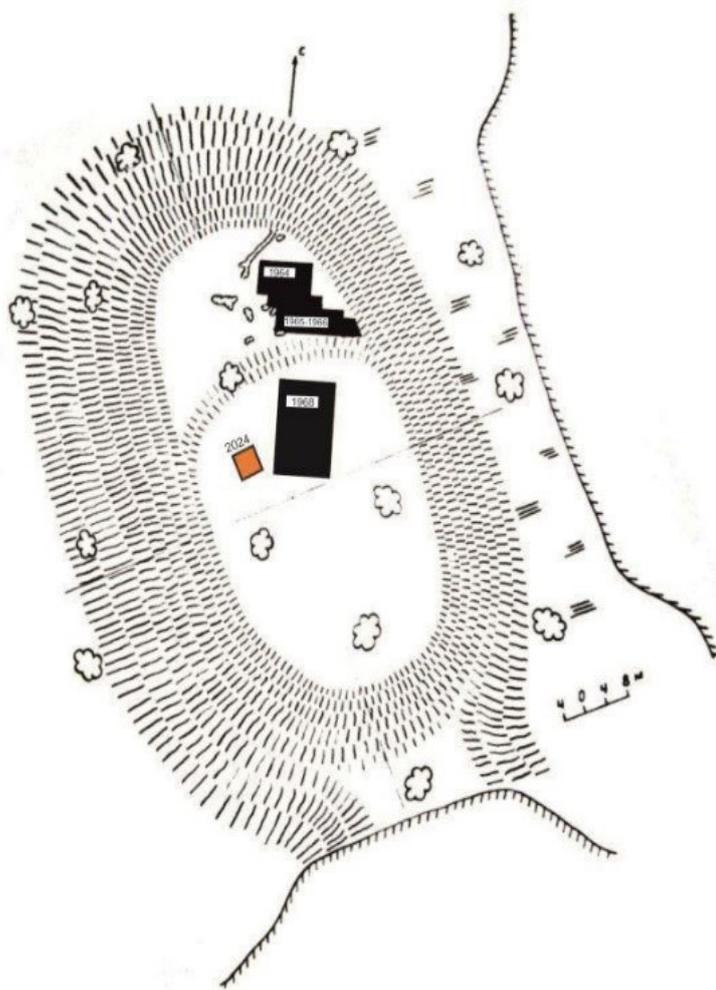

Рис. 1. План городища Новый Болецк – Бураково с локализацией раскопов 1964–1966, 1968 годов К.П. Шута

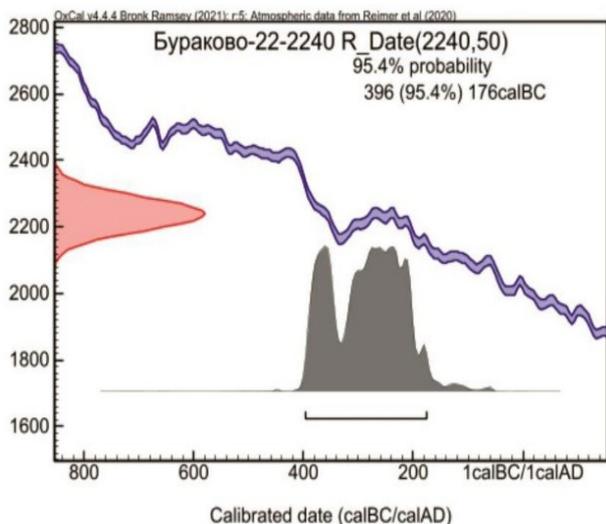

Рис. 2. Результаты радиоуглеродного анализа зольного слоя в раскопе 1968 г. Граница стратиграфического слоя – 1 и 2, глубина 0,5–0,6 м, квадрат 5

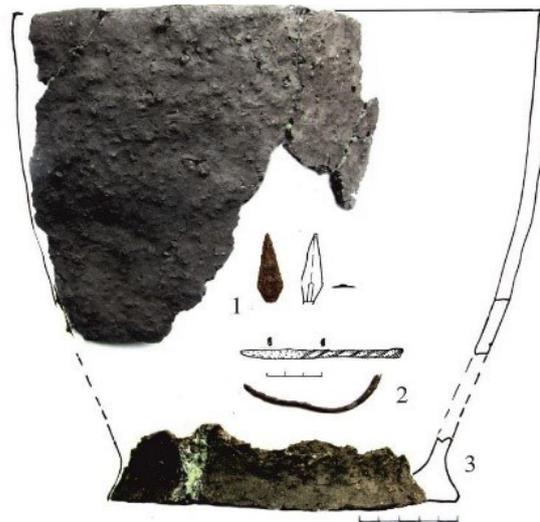

Рис. 3. Артефакты из стратиграфического слоя – 1 (1–2) и слоя – 2 (3) на верхней площадке городища Буряково: 1 – наконечник стрелы; 2 – фрагмент железного браслета; 3 – горшок (графическая реконструкция Т.С. Бубенько)

скифских древностей лесостепной зоны в V–IV вв. до н.э. (тип 6 по В.Г. Петренко) [5, с. 54, табл. 43:10].

Остается открытым вопрос, как соотносятся с описанным слоем углубленные в материк объекты, исследованные К.П. Шутом на верхней площадке городища. Из краткой информации, опубликованной в АО, в раскопе 1968 г. известно, что это остатки двух кузнечных комплексов, расположенных параллельно друг другу и большой оси городища.

Объект – 1, углубленный в материк на 0,3–0,4 м, располагался в двух метрах от северо-восточного угла раскопа. Судя по вошедшей в раскоп стенке котлована, ширина его была не менее 3 м, длина могла достигать 4–5 м. При расчистке заполнения объекта найден горн размерами 0,8 x 1,0 м, от которого сохранился глиняный бортик, рядом с ним лежало довольно много камней, которые, по мнению К.П. Шуто, использовались для крепления меха [2, с. 344]. Кроме горна внутри объекта, найдено два каменных молота с перехватом и наковальня. Информации о характере культурного слоя в заполнении объекта нет.

Объект – 2 локализован в 4 м от вышеописанного и в двух метрах от юго-западного угла раскопа. Это был врезанный в материк на глубину 0,7–0,8 м прямоугольный котлован, с длиной стен не менее четырех метров. В нижней части углубления расчищен кузнечный горн по форме и размерам аналогичный горну из объекта – 1.

Стратиграфический слой – 2 мощностью от 25 до 50–60 см зафиксирован на верхней площадке поселения повсеместно. Он имел интенсивно черную окраску и содержал довольно много угля и золы, по структуре это довольно плотный грунт. В юго-западной части раскопа 1968 г. над горном в объекте – 2

расчищено четыре сменяющих друг друга каменных очага. По мнению Шуто, это были наземные постройки жилого назначения [2, с. 344].

В нижней части слоя – 2 в разведочном шурфе 2024 г. расчищен угол сгоревшего объекта – 3¹, ориентированного стенами по сторонам света с отклонением 40° против часовой стрелки. Размеры вошедшей в шурф части строения – 2,1 x 1,3 м. Отсутствие ям от столбов позволяет предположить срубную конструкцию стен сооружения. Объект заполнен супесью черного цвета с большим содержанием угля и золы.

При зачистке стенок раскопа 1968 г. в данном слое найден развал горшка (рис. 3:3) и несколько фрагментов стенок, маловыразительные обломки круглодротовых железных браслетов и кусочки шлака. Практически полное отсутствие вещевого материала и исчезновение коллекции К.П. Шуто не позволяют установить временные рамки существования стратиграфического слоя – 2 и синхронизировать его с напластованиями на нижней площадке городища.

При зачистке стенок раскопа 1968 г. в данном слое найден развал горшка (рис. 3:3) и несколько фрагментов стенок, маловыразительные обломки круглодротовых железных браслетов и кусочки шлака. Практически полное отсутствие вещевого материала и исчезновение коллекции К.П. Шуто не позволяют установить временные рамки существования стратиграфического слоя – 2 и синхронизировать его с напластованиями на нижней площадке городища.

Нижняя площадка городища. С первыми поселенцами, обосновавшимися на террасе севернее основной площадки, следует связывать **стратиграфический**

¹Продолжена нумерация объектов К.П. Шуто

горизонт – 1, локализованный в северной части раскопа 1964 г. и в *западине – 1* в центре этого же раскопа. Это предматериковый слой светло-серой окраски с включением материкового песка, синхронный стратиграфическому горизонту – 1 на верхней площадке городища. К.П. Шут не выделяет данный слой, однако, информация о нем содержалась в отчетной документации и подтвердилась в ходе зачистки северной стенки (ссылка 1964 г.). Слой зафиксирован исключительно на склоне террасы, где мощность его вниз по склону увеличивается с 20–30 см до 50–70 см, а в корытообразной западине – 1 достигает 60 см. Кроме керамики, среди которой 18 венчиков (рис. 4), и костей животных, здесь найдены рабочая часть узколезвийного железного топора, бронзовая игла и костяная поделка виде долота [6, с. 6].

Вероятнее всего, тогда же была вырыта и конусообразная *западина – 2* у подножья верхней площадки. Ширина ее в нижней части не более 1,0 м, в верхней достигала 3–4 м, глубина увеличивалась в сторону восточного склона площадки от 0,4–1,2 м до 1,5 м. На имеющихся в отчете фото и разрезах видно, что

слой в нижней части западины на глубину 20–25 см гораздо светлее и содержит включения материкового песка [7, рис. 48]. От вышележащих напластований он отделен прослойками желтого песка (10–15 см). Локальные пятна светло-серого слоя имеются и на склонах западины – 2. Грунт при рытье западины сбрасывали на восточный склон террасы, в результате чего нижняя площадка расширилась на 2–3 м.

От вышележащего стратиграфического горизонта предматериковый слой – 1 отделяет мощная зольно-угольная прослойка (3–10 см), которая в местах отсутствия слоя подстиляет материк.

Стратиграфический слой – 2 зафиксирован только в заполнении верхней части западины – 2, интерпретированной К.П. Шутом как древний ров [7, с. 22]. Данный слой перекрывал отложения предматерикового горизонта, мощность его достигала 0,5–0,7 м.

Западина – 2 была заполнена культурным слоем интенсивно черной окраски с большим вкраплением углей и золы. На уровне материка объект засыпан мощным слоем светло-серого песка и гравия (0,2–0,4 м), первоначально принятого К.П. Шутом за материк [7, с. 22].

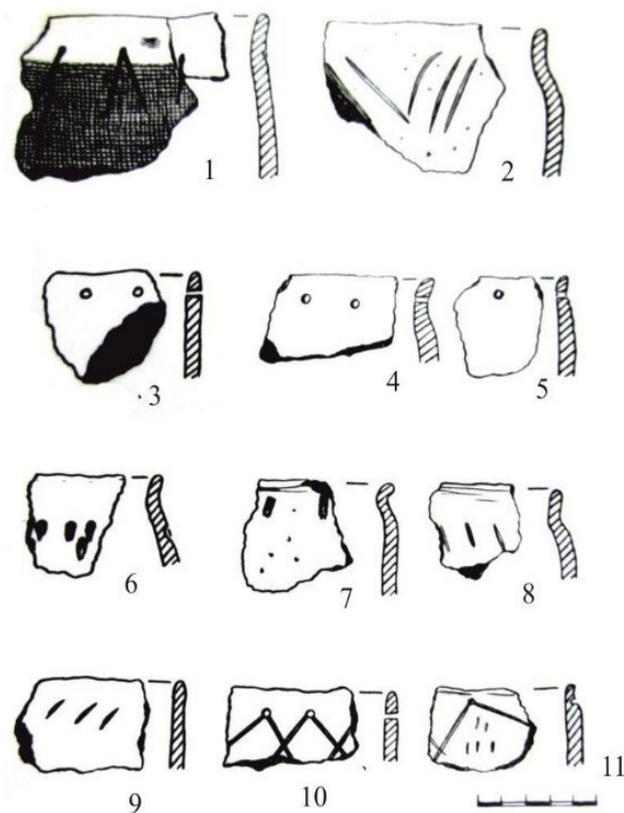

Рис. 4. Керамика из стратиграфического слоя – 1 (рисунок К.П. Шута). Нижняя площадка, раскоп 1964 г. [11, рис. 8; 12, 34]

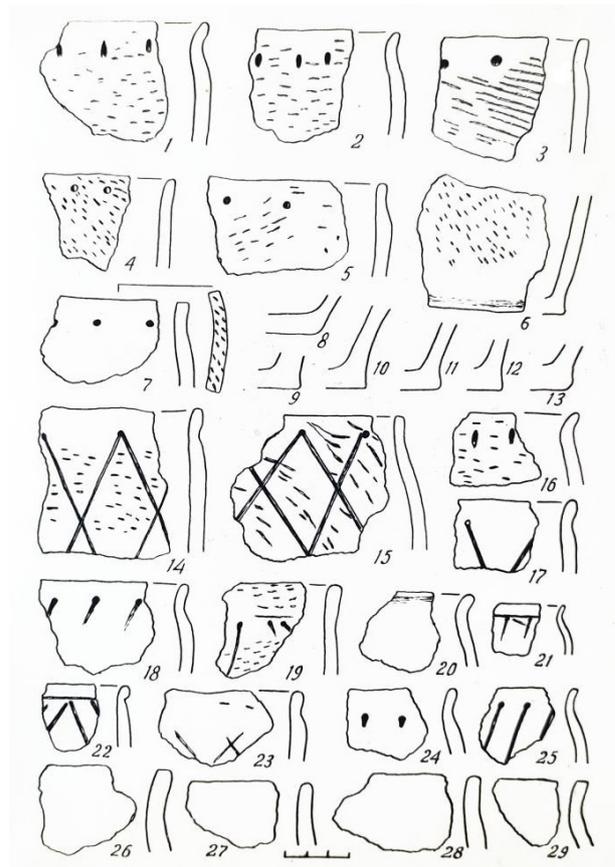

Рис. 5. Керамика из западины – 2, стратиграфического слоя – 2 (по К.П. Шуту). Нижняя площадка городища, раскоп 1966 г. [7, рис. 51]

В слое найдено много текстильной и гладкостенной керамики (рис. 5), костей животных и готовых изделий: три костяных наконечника стрел, долото, тупик, фрагменты двух костяных ножей, рукояти и др. (рис. 6: 1–17). Следов присутствия железа не обнаружено.

Комплекс артефактов из кости типичен для нижних слоев городищ дьяковской и днепро-двинской культур периода финальной бронзы и раннего этапа железного века. В качестве хронологических индикаторов древнейшего слоя могут быть привлечены костяные наконечники стрел.

Двушипный наконечник с ромбическим сечением пера длиной 13,5 см. Вытянутое треугольное перо длиной 8,3 см завершается двумя опущенными вниз шпорцами (рис. 6:3). Уплотненный черенок заканчивается острым лопаткообразным завершением. Подобные наконечники известны по материалам городищ Осыно, в нижних слоях городищ Новые Батеки, Демидовка и др. Е.А. Шмидт датирует их VI–V вв. до н.э. [8, рис. 10:2; 9].

Наконечник трехгранный с треугольным сечением пера круглой короткой втулкой, переходящей в упло-

щенный черенок. Общая длина наконечника 85 мм, длина пирамидального пера – 52 мм, ширина грани – 6,0 мм. Высота втулки – 20 мм, диаметр – 8,0 мм (рис. 6:4). Шпорцы слабо выражены. Можно предположить местное изготовление наконечника, поскольку втулка окончательно не оформлена. Подобные наконечники исследователи считают подражанием скифским трехгранным бронзовым стрелам VIII–IV вв. до н.э. [10, с. 30; 156].

Стратиграфический слой – 3 (по Шуту нижний слой – 2 и 1). На нижней площадке данный слой присутствует во всех раскопах, его мощность колеблется от 25–30, возрастая вниз по склону до 60–75 см. Это слой темно-серого цвета, содержащий значительное количество золы и углей. Из-за примесей окраска его близка к черной, что, по-видимому, и стало причиной путаницы в чертежах К.П. Шута за 1964 и 1966 гг. В результате проведенной нами зачистки северной стенки незасыпанного раскопа 1964 г. установлено, что данный слой отделен от стратиграфического слоя – 2 мощной зольно-угольной прослойкой. Верхняя граница донного слоя зафиксирована непосредственно под дерном.

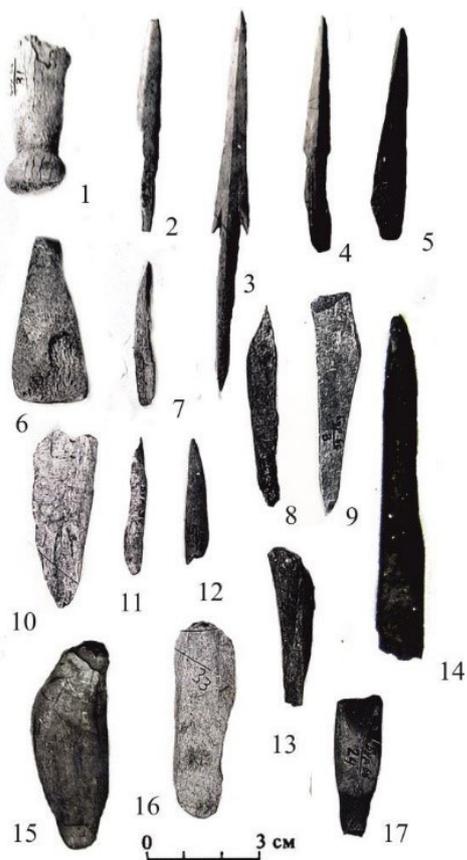

Рис. 6. Костяные изделия

из стратиграфического слоя – 2, западина – 2. Нижняя площадка городища, раскоп 1966 г.: 1, 16, 17 – костяные рукояти; 2–4 – наконечники черешковых стрел; 5, 9 – фрагменты костяных ножей; 6 – тупик; 7–11–13, – фрагменты костяных изделий; 14 – долото; 15 – клык животного [7, рис. 50]

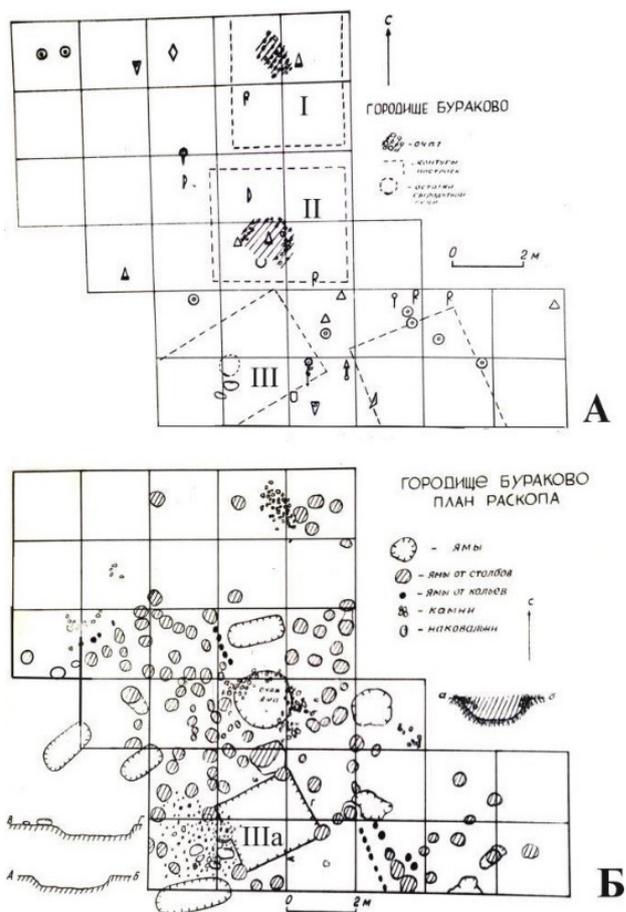

Рис. 7. Планы раскопов 1964–1966 гг. на нижней площадке городища: А – локализация построек I–III вв стратиграфическом слое – 3 (по К.П. Шуту); Б – объект III-а и материковые ямы после снятия слоя – 3 [11, рис. 27–28]

По наблюдениям К.П. Шута, ниже дерна до глубины 0,1–0,15 м идет «пахотный слой» рыхлой структуры с включением супеси и золы (слой – 1 по К.П. Шуту). Исследователь уверен, что данный слой не был поврежден перекопами и «все находки обнаружены в нем “in situ” [6, с. 6; 11, с. 17]. В слое найдено свыше десятка кусков глиняной обмазки, несколько отличная от нижнего слоя керамика. Однако с данным слоем совершенно не согласуется находка умбоновидной подвески, фрагментов навершия бронзовой булавки с ажурной головкой, тремя посоховидными железными булавками [11, с. 17].

В связи с вышеизложенным, возникает вопрос, все ли вещи находились in situ? Мы допускаем, что в верхние пласты раритеты могли попасть из нижележащих слоев в результате отсыпки грунта при рытье коммуникаций и ям военного времени. Последнее вполне объясняет присутствие в первом пласту артефактов, характерных для второй половины 1 тыс. до н.э. (фрагменты ажурной булавки, умбоновидная подвеска, булавка с петельчатой головкой).

Начиная с глубины 0,15–0,2 м, меняется структура слоя, он становится более плотным, а из-за включений золы и углей приобретает почти черную окраску, особенно в местах локализации объектов (слой – 2 по К.П. Шуту).

В стратиграфическом слое – 3 были вскрыты постройки 1–3, исследованные в 1964–1965 гг. (рис. 7А).

С нижним уровнем слоя следует связывать столбовую постройку – II (нумерация К.П. Шута), от которой сохранились угловые столбы и очаг с подочажной ямой. Постройка ориентирована стенами по сторонам

света, ее размеры 4,0 × 3,2 м. В центре сооружения с небольшим смещением к юго-западу расчищен развал очага, сооруженного в подочажной яме. Диаметр ямы 1,5 м, глубина – 0,5 м (рис. 7А).

Объект был заполнен однородным интенсивно черным культурным слоем с большой примесью горелых камней, мелких угольков, золы. В заполнении найдено много фрагментов керамики, среди которой встречается штрихованная и текстильная, кости животных. На уровне утрамбованного земляного пола найдены: бронзовая поделка из ромбической в сечении проволоки, черенок железного ножа, посоховидная булавка с эсовидным завитком, железный круглодротовый браслет, игла от пряжки и несколько невыразительных бронзовых и железных предметов [11, с. 18–19].

Судя по профилю северной стенки, в квадратах 3–4, частично 2 в слой – 3 в верхней его части был впущен объект, размерами не менее 2,1(?) × 3,0 м. В нижней части впускного котлована расчищен развал очага и утрамбованный земляной пол. Основание очага сложено в форме подковы из небольших камней диаметром 8–10 см в поперечнике, диаметр очага был около 0,9 м. При разборке очага найдено довольно много керамики, костей животных, куски глиняной обмазки. Заполнен объект слежавшимся гумусом с серого цвета, содержащим золу и супесь. Контуры описанной постройки нами и развал очага четко видны на фото 1964 г. и никак не согласовываются со столбовыми ямами постройки – I на планах К.П. Шута (рис. 7Б, 8).

К верхнему уровню стратиграфического слоя – 3, на наш взгляд, следует относить и железообрабатывающую мастерскую (постройка – III по нумерации

Рис. 8. Локализация наземной постройки – I в стратиграфическом слое – 3. Нижняя площадка, раскоп 1964 г. [11, рис. 4]

К.П. Шута), поскольку сам исследователь пишет, что признаки и мастерской проявились еще в слое первого раскопного пласта: «Необычное скопление шлаков и известняковых камней». Что касается характера культурного слоя и его окраски, то он также отличался от других участков раскопа: «Рыхлая темно-серая почва постепенно исчезала и вместо нее стала появляться все более плотная с интенсивно черным цветом масса, содержащая в себе грязноватый песок, шлаки, угли, золу, окалину и т.п.» [11, с. 20]. Как и объекты, вскрытые на верхней площадке поселения, она могла быть несколько углублена в грунт (0,2–0,3 м).

Постройка локализована над западиной – 1 в юго-западном углу раскопа 1965 г. Как и производственные комплексы на верхней площадке, она ориентирована параллельно длинной оси городища, т.е. с отклонением 40° по часовой стрелке. Размеры вошедшей в раскоп части объекта 4,2(?) × 3,0 м. Внутри и вокруг мастерской отмечается большое скопление шлаков и кричного железа, углей и окалины, обломков сыродутной печи и известняковых камней. Среди отходов были обнаружены два средних размеров камня с плоской хорошо зашлифованной поверхностью, а в 0,3 м севернее – основание сыродутной

печи (50 × 60 см). Вблизи печи найдены небольшие ошлакованные кусочки сопла [11, с. 19–20].

Внутри кузницы была исследована подквадратная яма размерами 2 × 2,5 м, которую К.П. Шут, по аналогии с мастерскими на городищах Кострица, Урагово, связывает с кузницей [11, с. 21].

Детальное изучение чертежей и текстов отчетов К.П. Шута позволяет усомниться в правильности первоначального вывода исследователя о принадлежности квадратной ямы внутри кузницы к данному сооружению, полностью вскрытому в нижней части слоя – 3 (рис. 7Б). Во-первых, по контуру углубления зафиксированы ямы от угловых столбов, а это подразумевает наличие внутри кузницы самостоятельной постройки. Во-вторых, кузница заполнена гумусом интенсивно черного цвета с включением золы, угля, окалины; яма же заполнена слоем темно-серой окраски с большой примесью крупного песка, мелких углей и золы. В этой на редкость плотной и очень бедной находками массе, кроме разбитого на три части камня, употребляемого, по предположению исследователя, в качестве молота, ничего не найдено [11, с. 21]. В-третьих, нижнее углубление отделено от собственно кузницы прослойкой желтого материкового песка, поверх которой и было

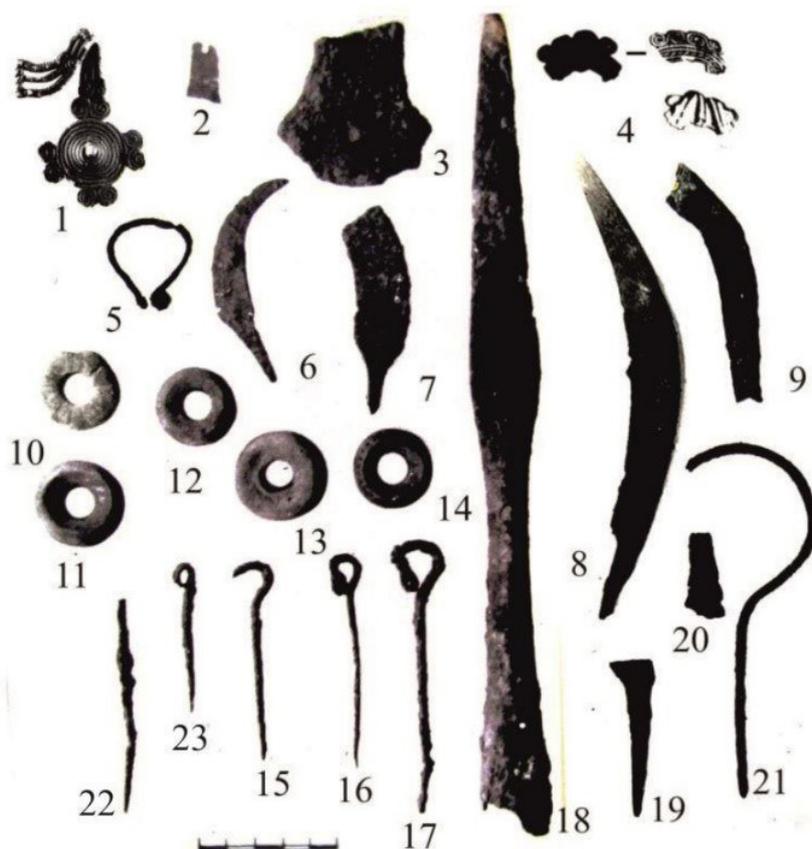

Рис. 9. Вещевой материал из стратиграфического слоя – 3. Нижняя площадка, раскопы 1964–1966 гг.:

- 1 – умбоновидная височная подвеска;
- 2 – трапециевидная подвеска; 3 – фрагмент лезвия топора; 4 – фрагменты ажурного навершия булавок;
- 5, 15–17, 21–23 – булавки посоховидные и фрагменты; 6 – бритва; 7 – жатвенный нож; 8–9 – серпы;
- 10–14 – пряслица глиняные; 18 – наконечник копья; 19 – рукоять серпа; 20 – поделка из бронзы

расчищено основание печи. Эта же прослойка уходит под камни – наковальни, что отчетливо видно на фото в отчете [11, рис. 29–30]. Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что нижний объект мог быть производственной постройкой более раннего времени, на месте него позднее и была сооружена железодельная мастерская.

Хронологические индикаторы стратиграфического слоя – 3 дают широкие временные рамки существования верхнего горизонта. Присутствие в нем артефактов, характерных для второй половины – конца I тыс. до н.э., позволяет условно выделить внутри пласта два хронологических периода.

Втульчатый наконечник копья с пером в виде вытянутого ромба, который К.П. Шут по слою датировал III–IV вв. н.э. [11, с. 26, рис. 36, 6]. Длина наконечника 30 см, длина пера – 15 см, ширина – 3 см (рис. 9:18). Подобные наконечники с соотношением длины пера к длине втулки 1:1 и ширине пера 1:5 в «Частых» курганах датируются IV–III вв. до н.э. (отдел 2 тип 2) [12, с. 40–42]. Они известны в древностях зарубинецкой культуры (тип 2 по О.А. Радюшу), на поселениях культуры штрихованной керамики (Кашевичи) [13, с. 17, рис. 2:2]. В Чаплинском могильнике они датированы фазой латен D₂ (I в. до н.э. – начало I в. н.э.), в Кашевичах фазой B₂/C₁ – C₁ (150–250 гг. н.э. [14, с. 83]. Для балтийских племен подобные наконечники нехарактерны, в Литве они относятся к типу IV и встречаются в могильниках III–IV вв. н.э. [15, с. 27–29, рис. 8], этим же временем они датированы на Щербинском городище.

Жатвенный (серповидный) нож представлен фрагментарно: коротким черенком и частью слабоизогнутого лезвия (рис. 9:7). Близкие по форме экземпляры относятся к группе 1, вариант А по классификации Р.С. Минасяна, и датируются I–IV вв. н.э. [16, с. 78, рис. 2:1–10]. Такие ножи известны главным образом в днепровской части днепро-двинской культуры, в культуре штрихованной керамики [17, с. 84–85, табл. 24–25; 14, с. 80, рис. 46]. До некоторой степени близки им так называемые кривые ножи из городища Подгай в Верхнем Подвинье [18, рис. 42]. Подобные ножи были встречены и в нижних слоях городищ Витебского Подвинья (Кострица, Камень, Новое Село, Загорцы).

Серп архаичной формы со слабо изогнутым клинком, отделенным от рукояти со стороны режущей кромки. Соотношение длины клинка (АВ) к высоте изгиба дуги (СД) равно 1/7,5 (рис. 9:8). По классификации Р.С. Минасяна, относится к типу 1Б, который бытовал в ареалах позднедьяковской, мощинской, днепро-двинской культур и почепской культур, где появляется в первых веках н.э. и бытует до V–VI вв. [16, с. 78, рис. 3].

Бритва имеет форму сильно изогнутого маленького серпа. Размеры ее небольшие: длина 7,5 см, ширина лезвия 1,3 см. Со стороны лезвия имеется плавно выраженный переход от лезвия к черенку, со стороны спинки переход едва заметен (рис. 9:6). Бритвы с изогнутым лезвием и прямым черенком в позднеримское время широко представлены в памятниках пшевор-

ской культуры, однако римские изделия имеют четко выраженные плечики. Нередкая находка бритв среди древностей днепро-двинской культуры в Смоленском Поднепровье (Самсонцы, Демидовка, Холмец), штрихованной керамики, где они датируются первыми веками н.э. [4, с. 126–127, рис. 19:9; 19, с. 102, табл. 21:7; 14, с. 84].

Посоховидные булавки сделаны из круглой проволоки с диаметром сечения в средней части от 0,3 до 0,5 см (рис. 9:15–1, 21). Их длина от 8 до 10 см. Булавки с эссовидным завитком небольших размеров в Верхнем Поднепровье были распространены с VI в. до н.э. по II–III вв. н.э. [21, с. 86, табл. 32, 1–3]. На городище Загорцы небольшие по размеру булавки с каплевидной головкой выпадают на период 209 г. до н.э. – 132 г. н.э. (календарные даты 2030±70 и 2120±40). По наблюдениям А.М. Медведева, на территории Витебского Подвинья посоховидные булавки получают распространение не ранее рубежа – I в. н.э. [20, с. 181].

Булавка с петельчатой головкой длиной 5,5 см изготовлена из нерасклепанной проволоки четырехгранного сечения, утончающейся к концам. Один конец закручен сбоку от стержня в небольшое колечко, образующее головку булавки (рис. 9:14). Стержень булавки не изогнут. Подобные булавки с петельчатой головкой на территории Белорусского Подвинья встречаются редко (Новое село, Бороники). На территории Украины они имели хождение в период финальной бронзы, известны на памятниках развитого этапа чернолесской культуры [21, с. 165]. Наибольшее распространение данный тип получил в V–IV вв. до н.э. на территории Правобережной Украины [5, с. 18]. Вполне вероятно, что традиция их ношения была заимствована у племен, населявших правобережье Среднего Поднепровья.

Трапецевидная привеска в форме слабо выраженной трапеции и небольших размеров 1,0 × 2,5 см (рис. 9:2). Подобные подвески встречаются в зарубинецких могильниках Припятского Полесья, в Белорусском Поднепровье они найдены на Уваровичском, Чаплинском и Щатковском городищах [22, с. 84, рис. 17: 20, 21].

Фрагмент ажурной головки от булавки подгорцевского типа длиной 6 см по внутренней дуге (рис. 9:4). Подобные украшения происходят с территории Среднего Поднепровья, где верхний предел их бытования не выходит за рубеж III вв. до н.э. А.А. Чубур основным ареалом распространения булавок с ажурной головкой считает территорию верхнеокской культуры и по совокупности датирующих факторов относит к VI–II вв. до н.э., оговариваясь при этом, что они могли доживать до рубежа эр [23, с. 117]. Булавки с территории Белорусского Подвинья (Витебск, Бураково) исследователь объединяет в западнодвинский тип – 7 и связывает их с культурой штрихованной керамики [23, с. 118].

Умбоновидная подвеска размерами 6 × 3,5 см отлита по восковой модели в два приема. Украшение состоит из довольно крупного (2,4 см) умбоновидного щитка, имитирующего туго скрученную спираль, по внешнему

краю головка декорирована четырьмя крестообразно расположенными волютами (рис. 9:1). С тыльной стороны к щитку крепится довольно длинный стержень в виде петли, состоящей из трех декорированных насечками проволочек, веером расходящихся к внешнему краю и образующих ажурную фигуру. Внешний край петли ограничен перевитым кусочком проволоки, дополнительно стержень украшен двумя небольшими волютами: одна расположена над щитком, вторая – у основания. Подобные подвески известны в северо-восточной Беларуси на городищах Боронки Витебского района и Кисели-Дымокуры Толочинского района, где они датируются II в. до н.э. – I в. н.э. [24, с.16].

Литейная форма для отливки умбоновидных украшений найдена в нижнем слое городища Новые Батеки Смоленской области [8, с. 162, рис. 12:29]. По предположению Н.А. Кренке, умбоновидные подвески являются результатом синтеза скифских серег и более сложной формы височных украшений, характерных для лесной полосы Восточной Европы.

Массовый материал слоя – 3 – лепная гладкостенная керамика, характерная для городищ западного варианта днепро-двинской культуры, среди которой имеется небольшой процент посуды с отпечатком текстиля (6%) и штрихованной (9%). В нижней части слоя преобладают лепные тонкостенные сосуды баночной формы с прямым или загнутым внутрь краем венчика и слабопрофилированные горшки с короткой,

но заметно выраженной шейкой и слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 10).

Н.А. Лопатин, изучавший керамику городища Бураково, считает, что керамический комплекс верхнего слоя представляет собой вариант Заозерья со значительной долей ребристой керамики (рис. 11) [25, с. 122].

Сопоставление хронологических индикаторов и керамического материала из верхнего слоя дает довольно широкую дату II–I вв. до н.э. – III–IV вв. н.э.

Заключение. Анализ культурных напластований городища Новый Белецк – Бураково с использованием радиоуглеродного метода датировки и с учетом хронологических правок времени бытования отдельных артефактов позволил откорректировать и синхронизировать культурно-хронологические горизонты поселения и выделить основные этапы его жизнедеятельности. Первоначальное поселение возникло на одиночно стоящем высоком холме не позднее второй четверти – середины I тыс. до н.э. Древнейшие напластования фиксируются по краю верхней площадки городища и локально в западинах на террасе с северной стороны (нижняя площадка). Несмотря на искусственное происхождение западин, следов оборонительных укреплений не обнаружено. После гибели раннего поселения в IV–III вв. до н.э. на верхней площадке городища размещаются металлообрабатывающие комплексы. К сожалению, из-за недостаточной источниковой базы установить временные рамки существования поселения металлургов пока не представляется возможным.

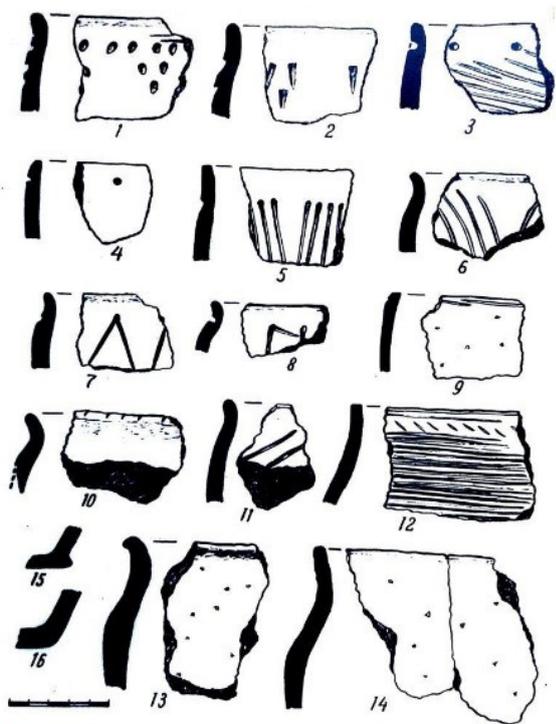

Рис. 10. Керамика нижней части стратиграфического слоя – 3 (по К.П. Шуту). Нижняя площадка, раскоп 1965 г. [12, рис. 33]

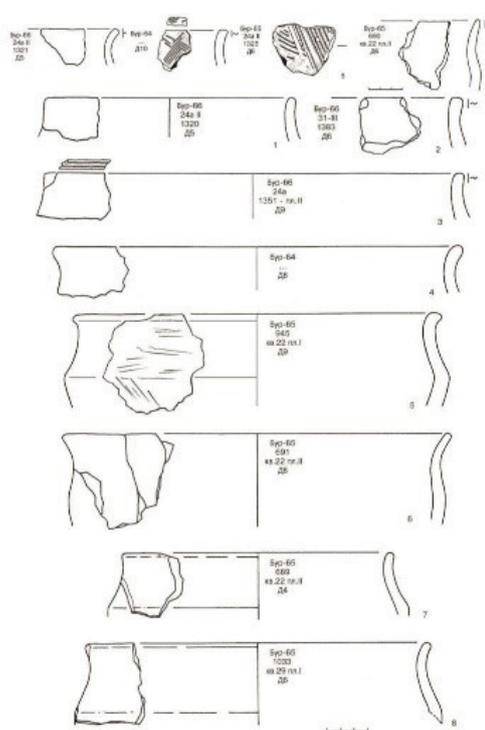

Рис. 11. Керамика верхней части стратиграфического слоя – 3 (по Н.В. Лопатину). Нижняя площадка, раскоп 1965 г. [25, рис. 133]

Не позднее первых веков до н.э. – рубежа эр мастерская по кузнечной обработке железа переносится на террасу в северной части городища. Последнему периоду жизни поселения соответствует верхний стратиграфический слой, который, судя по вещам, имеющим довольно четкие рамки бытования, образовался в промежутке между рубежом эр и IV в. до н.э.

Статья подготовлена в рамках выполнения Государственной программы фундаментальных исследований на 2021–2025 гг. «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограмма 12.1 «История», задание 12.1.1 «Археологическое наследие как фактор обеспечения гуманитарной безопасности белорусского общества», подзадание 12.1.01.5 «Культурно-историческое развитие Витебского Подвинья в I тыс. до н.э. – третьей четверти I тыс. н.э. в свете новых исследований в регионе».

Литература

1. Ляўданскі, А.М. Археалагічныя даследы ў БССР у 1933–1934 гг. / А.М. Ляўданскі, К.М. Палікарповіч // Запіскі Беларускай Акадэміі навук. – Менск, 1936. – Кн. 5. – С. 211–223.
2. Шут, К.П. Исследования древних городищ Северной Белоруссии / К.П. Шут // Археологические открытия 1968 года. – М.: Наука, 1969. – С. 342–344.
3. Шадыра, В.І. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.) / В.І. Шадыра. – Мінск: Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі, 2006. – 150 с.
4. Шмидт, Е.А. Городище Самсонцы в Смоленском Подвинье / Е.А. Шмидт // Смоленские древности. – Смоленск: Центр по охране и использованию памятников истории и культуры, 2002 г. – Вып. 2. Городища Смоленской земли. – С. 98–166.
5. Петренко, В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. / В.Г. Петренко. – М.: Наука, 1978. – 144 с., 52 табл. (САИ. Вып. Д4-5)
6. Шут, К.П. Отчет о полевых археологических работах в 1964 г. / К.П. Шут // ОАНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». – Минск, 1965. – Д. 237. – 64 с.: ил.
7. Шут, К.П. Отчет о полевых археологических исследованиях в 1966 г. / К.П. Шут // ОАНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». – Минск, 1967. – Д. 273. – 81 с.: ил.
8. Шмидт, Е.А. Новые Батеки / Е.А. Шмидт // Древние городища Смоленщины. – М.–Л., 1963. – С. 141–176.
9. Новые исследования на Осынском городище. – URL: <https://gpskov.ru/index.php/arheologija-pskova/istoriya-izucheniya/216-osinskoe-gorodishe> (дата обращения: 11.11.2024).
10. Смирнов, К.А. Дьяковская культура: (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) / К.А. Смирнов // Дьяковская культура: сб. науч. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т археологии; отв. ред. Ю.А. Краснов. – М., 1974. – С. 7–89.
11. Шут, К.П. Отчет о полевых археологических работах в 1965 г. / К.П. Шут // ОАНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси» – Минск, 1966. – Д. № 257. – 74 с.: ил.
12. Мелюкова, А.И. Вооружение скифов / А.И. Мелюкова // САИ. – М.: Наука, 1964. – Вып. Д. 1–4. – 91 с.
13. Радюш, О.А. Предметы вооружения и кавалерийского снаряжения зарубинецкой культуры / О.А. Радюш // Военная археология. – М., 2011. – Вып. 2. – С. 6–31.
14. Егорейченко, А.А. Культуры штрихованной керамики / А.А. Егорейченко. – Минск: БГУ, 2006. – 150 с.
15. Казакиявичюс, В. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы / В. Казакиявичюс. – Вильнюс: Мокслас, 1988. – 160 с.
16. Минасян, Р.С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья / Р.С. Минасян // АСГЭ. – 1978. – № 19. – С. 78–85.
17. Шмидт, Е.А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства: Днепро-двинские племена (VII в. до н.э. – III в. н.э.). / Е.А. Шмидт. – М.: Прометей, 1992. – 207 с.
18. Короткевич, Б.С. Пять вариантов днепро-двинской культуры / Б.С. Короткевич, А.М. Мазуркевич // Петербургский археологический вестник. – 1992. – Вып. 2. – С. 63–82.
19. Граудонис, Я.Я. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа / Я.Я. Граудонис. – Рига: Зинатне, 1967. – 266 с.
20. Медведев, А.М. Посоховидные булавки / А.М. Медведев // ГАЗ / Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – 1995. – № 7. – С. 172–201.
21. Лысенко, С.С. Булавки с петельчатой головкой эпохи поздней бронзы / С.С. Лысенко, С.Д. Лысенко // Материалы по археологии Северного Причерноморья; отв. ред. И.В. Брумяко. – Одесса: Ирбис, 2019. – Вып. 14. – С. 161–181.
22. Дробушевский, А.И. Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. / О.Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Минск: Беларус. навука, 2016. – Кн. 1. – (Славянские древности Беларусі). – С. 38–135.
23. Чубур, А.А. Булавки с ажурным листовидным навершием в раннем железном веке Восточной Европы: типология, ареал, семантика / А.А. Чубур // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой). Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. – Курск, 2012. – Вып. IV. – С. 123–135.
24. Бубенько, Т.С. Об одном типе умбоновидных подвесок в Витебском Подвинье и Оршанском Поднепровье / Т.С. Бубенько // Материалы по археологии Беларусі. – Минск: Беларус. навука, 2020. – Вып. 31. – С. 10–16.
25. Лопатин, Н.В. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н.э. / Н.В. Лопатин, А.Г. Фурасьев // Археология славян и их соседей / РСМ. – 2007. – Вып. 8. – Москва: Ин-т археологии РАН. – 251 с.

Поступила в редакцию 06.12.2024